

Лин Цюн: !!!

Лин Цюн поспешно прикрыл рот рукой, глаза его расширились от ужаса.

Мужчина обернулся к нему. Лин Цюн быстро опустил руку и натянул на лицо улыбку, пытаясь скрыть растерянность.

Фу Синьюнь приподнял бровь:

— Что это был за звук?

Бледное лицо Лин Цюна выглядело невинно, он спокойно встретил взгляд Фу Синьюня.

— Я ничего не слышал, — покачал он головой.

— Хм? — недоверчиво хмыкнул мужчина.

Лин Цюн сделал вид, что не понимает:

— Я ведь с тобой разговаривал.

Фу Синьюнь скрестил руки на груди:

— И?

Лин Цюн застенчиво опустил голову:

— Это был... звук любви.

Фу Синьюнь:

Снова повисла тишина. Мужчина пристально смотрел на Лин Цюна, тот стоял, не двигаясь, сердце колотилось как бешеное.

Вот уж два миски куриной лапши — это и правда перебор.

Фу Синьюнь ещё раз внимательно посмотрел на него, затем повернулся и приложил палец к сканеру отпечатков у лифта.

— Ик!

Мужчина резко обернулся.

Лин Цюн невинно посмотрел на него:

— Что такое?

Фу Синьюнь снова отвернулся.

— Ик!

Их взгляды встретились.

Лин Цюн:

Фу Синьюнь посмотрел на его губы:

— Скажи что-нибудь.

Сдерживая очередную икоту, Лин Цюн ляпнул:

— А что сказать?

— Скажи что-нибудь привычное, — сказал Фу Синьюнь.

Лин Цюн смущённо опустил голову:

— Ну... разве нам, как старой женатой паре, не стыдно говорить такое вслух?

На этот раз Фу Синьюнь не отвернулся. Он продолжал пристально смотреть на Лин Цюна.

Одна секунда. Две...

Ик!

Лин Цюн: !!

Фу Синьюнь спокойно наблюдал за ним:

— Я это слышал.

Лин Цюн:

— Нет.

Фу Синьюнь повторил:

— Я это слышал.

Ик!

— Ты ослышался.

Чёртова упрямость.

Раз уж попался, Лин Цюн решил идти до конца, как свинья, которую тащат в кипяток: ик!.. ик!.. ик!..

То ли от переедания, то ли от тяжёлого взгляда Фу Синьюня — икота теперь не прекращалась. Но лицо Лин Цюна оставалось вызывающе упрямым:

— Я бы... ик... ни кусочка... ик... не съел без тебя...

Фу Синьюнь в изумлении уставился на него.

Лин Цюн говорил, задыхаясь между икотой:

— Можешь... ик... не смотреть... ик... так на меня?

Фу Синьюнь приподнял бровь:

— Раскаиваешься, что соврал?

Лин Цюн:

— Стесняюсь... ик... нашей любви.

Фу Синьюнь какое-то время смотрел на него, затем тяжело вздохнул.

Лин Цюн: ??

Что это вообще значило?

Фу Синьюнь:

— Раз ты не поел, пойдём поужинаем вместе.

Лин Цюн:

— Но... ик... ты мне не веришь?

Фу Синьюнь парировал:

— А разве не ты сам всё отрицаешь?

С этими словами он приложил палец к сканеру. После того как лифт доставил их вниз, Лин Цюн нехотя повёл его в столовую.

Фу Синьюнь уставился на гору еды в своей тарелке, затем бросил взгляд на тарелку, стоявшую перед Лин Цюном.

Первым заговорил Фу Синьюнь:

— Это всё, что ты ешь?

Лин Цюн кивнул:

— Ик!

Фу Синьюнь покачал головой:

— Это на тебя не похоже.

...

Лин Цюн сделал паузу:

— Это и есть я.

Фу Синьюнь снова посмотрел на его тарелку и вновь покачал головой.

— Что не так? — спросил Лин Цюн.

— Раньше твоя тарелка выглядела по-другому, — ответил Фу Синьюнь.

Лин Цюн издал недоумённый звук:

— В каком смысле?

Фу Синьюнь произнёс тихо:

— Будто серебряные змеи вьются по горам, или восковые слоны мчатся по равнинам.

Лин Цюн: ??

Фу Синьюнь продолжил:

— Словно дерзко соревнуются с небесами в высоте.

.....

Лин Цюн заставил себя найти оправдание:

— Из-за ссоры... пропал аппетит.

Он быстро сменил тему:

— Ты весь день ничего не ели... давайте скорее, ешь, ик!

С этими словами Лин Цюн уткнулся в тарелку, торопливо загребая рис.

Он ведь только что кое-как доел две тарелки куриной лапши — а теперь уже снова набит до отказа.

Но есть оставалось немного. Всего несколько ложек — и тарелка почти опустела. Лин Цюн уже собирался отставить её в сторону, как перед ним внезапно возникли чьи-то палочки, и в его тарелку с глухим стуком упала жареная куриная ножка.

Лин Цюн надул щёки и поднял глаза на Фу Синьюня.

Фу Синьюнь встретил его взгляд:

— Ешь больше.

Лин Цюн то посмотрел на него, то на куриную ножку в тарелке:

— Ты это специально.

Фу Синьюнь отрицательно покачал головой:

— Конечно же, нет.

Лин Цюн пробормотал себе под нос:

— Тогда зачем подкладываешь мне?

Фу Синьюнь спокойно ответил:

— Ну естественно специально.

Лин Цюн:

Он взял куриную ножку и положил её в тарелку Фу Синьюня:

— Ешь сам.

Фу Синьюнь уставился на куриную ножку, собираясь что-то сказать, но Лин Цюн опередил его:

— Мне кажется, мы так быстро помирились, потому что небо увидело мою потрясающую искренность.

Фу Синьюнь приподнял бровь:

— И?

Глаза Лин Цюна засияли благоговением:

— В знак благодарности небесам я три дня буду есть только вегетарианское.

.....

Когда они закончили ужинать, было уже одиннадцать часов вечера. Лин Цюн, наполовину спящий, проводил Фу Синьюня до его комнаты.

После душа Лин Цюн выключил свет и рухнул в постель, готовый погрузиться в объятия герцога Чжоу.

Снаружи ночное небо было черно как смоль, а цикады в траве выводили размеренный хор.

Неожиданно раздавшийся рингтон разорвал тишину ночи, его навязчивая мелодия резанула по ушам Лин Цюна.

Лин Цюн: !!!

Уже рассвет? Он же только лёг!

Он глянул в окно — за ним по-прежнему раскинулась бесконечная тьма.

Лин Цюн поднял телефон.

03:00...

Лин Цюн: Всё хорошо.

Идентификатор вызова: Ван Чэн...

Он глубоко вдохнул и ответил:

— Надеюсь, ты собираешься сообщить мне что-то из ряда вон выходящее.

Голос Ван Чэна, гремящий от возбуждения, раздался в трубке, как удар грома:

— Лин Цюююююн!!!

Бзззз.

Лин Цюн ощутил, будто через его мозг прошёл разряд, а в ушах зазвенело — как будто он на

мгновение оглох.

Отдёрнув телефон от уха, он всё ещё не до конца пришёл в себя, но всё же спросил:

— Ты вообще в курсе, который час?

На улице была такая темень, что даже бродячие коты не выходили в такое время.

Ван Чэн глянул на экран:

— Три часа.

Произнесено так, будто речь шла о трёх пополудни.

Лин Цюн глубоко вдохнул:

— Советую говорить тише.

Ван Чэн был вне себя:

— А почему? Я не могу сдержаться!

Волосы Лин Цюна были растрёпаны:

— Я заявлю на тебя за нарушение тишины.

— По соседству с моим домом никто не живёт, — возразил Ван Чэн. — Жаловаться некому.

— Я жалуюсь.

.....

Ван Чэн запнулся, наконец осознав, насколько поздно.

— Ладно, может, я тогда перезвоню попозже?

Только он это сказал — в трубке прозвучал короткий гудок.

Ван Чэн:

Лин Цюн снова погрузился в сон, отправившись навстречу герцогу Чжоу.

Ровно в шесть утра, как по расписанию, зазвонил телефон.

Он только успел снять трубку, как в ухо ворвался всё тот же голос, полный сумасшедшей энергии:

— Лин Цюююн!!!

Это чёртово знакомое чувство.

Ван Чэн ведь сам сказал, что перезвонит попозже, — и это «попозже» заняло ровно три часа.

Великолепно. По-настоящему настойчиво.

Смотря на уже высоко взошедшее летнее солнце за окном, Лин Цюн с мешками под глазами безжизненно сидел на кровати:

— Ты знаешь, который сейчас час?

Голос Ван Чэна, полный счастья, прозвенел в трубке, будто он был вне закона времени:

— Шесть утра!

— А во сколько ты вчера лёг?

Не колеблясь ни секунды, Ван Чэн ответил:

— Сразу после того, как поговорил с тобой.

Измученный голос Лин Цюна проплыл в эфире:

— Лёг в три, проснулся в шесть... Это прямоугольный гроб.

.....

———

Примечание автора:

Почему ты всё икаешь?!

Лин Цюн застенчиво опустил голову:

— Я... получатель молочных отрыжек.

<http://bllate.org/book/12640/1121105>